

Пучинина Ольга Павловна

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)

В настоящей статье рассматривается синтаксическая структура несобственно-прямой речи (НПР). Автор показывает, что синтаксически НПР может быть представлена вопросительными и восклицательными предложениями, эллиптическими, парцеллярными конструкциями, синтаксическими связями, повтором, односоставными предложениями и т.д. Доказывается, что синтаксическое построение НПР помогает писателю раскрыть сложный духовный мир героев, их внутренние переживания, показать поиски правильных решений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 55-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Honegger G.** Thomas Bernhard: «Was ist das für ein Narr?». Berlin: Propyläen Verlag, 2003. 456 S.
6. **Höller H.** Thomas Bernhard. 10. Auflage. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2011. 158 S.
7. **Jürgens D.** Das Theater Thomas Bernhards. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. 324 S.
8. **Schmidt-Dengler W.** «Auf dem Boden der Sicherheit und Gleichgültigkeit». Zu Thomas Bernhard Autobiographie «Der Keller» // Autobiographien in der österreichischen Literatur: von Franz Grillparzer bis Thomas Bernhard. Innsbruck – Wien: Studien Verlag, 1998. S. 217-239.
9. **Thomas Bernhard – Eine Begegnung. Gespräche mit Krista Fleischmann.** Wien: Edition S, 1991. 280 S.
10. **Vom Hofe G.** Ecce Lazarus. Autor-Existenz und «Privat»-Metaphysik in Thomas Bernhards autobiographischen Schriften // Duitse Kroniek. 1981-1982. № 32. H. 4. S. 18-36.
11. **Waitzbauer H.** Thomas Bernhard in Salzburg. Alltagsgeschichte einer Provinzstadt 1943-1955. Wien – Köln – Weimar: Böhlau, 1995. 148 S.

**THE PECULIARITIES OF THE AUTOFICTIONAL LETTER OF TH. BERNHARD:
ON THE INTERPRETATION OF THE FINAL OF THE NOVELLA “THE CELLAR” (1976)**

Novikova Svetlana Yur'evna
Saint Petersburg State University
fotinya@gmail.com

In the article the new interpretation of the final of one of the novellas written by the classic of the Austrian literature Th. Bernhard by the material of his own life is presented. The author points out the rethinking of the literary topos *theatrum mundi* (“the world as a theater”) in the autobiographical pentology of the writer and discovers the hidden intertextual relations of Bernhard’s text with the works of Hugo von Hofmannsthal. The performative nature of the Austrian author’s creativity allows seeing in the final of the novella the reference to H. von Hofmannsthal’s drama “Everyman” (1903/1911).

Key words and phrases: autobiography; Th. Bernhard; H. von Hofmannsthal; literary topos; “the world as a theater”; autofictional letter; baroque allegory.

УДК 821.111:81’38

В настоящей статье рассматривается синтаксическая структура несобственно-прямой речи (НПР). Автор показывает, что синтаксически НПР может быть представлена вопросительными и восклицательными предложениями, эллиптическими, парцеллярными конструкциями, синтаксическими связями, повтором, односоставными предложениями и т.д. Доказывается, что синтаксическое построение НПР помогает писателю раскрыть сложный духовный мир героев, их внутренние переживания, показать поиски правильных решений.

Ключевые слова и фразы: несобственно-прямая речь; психологическая проза; вопросительные предложения; восклицательные предложения; эллиптические предложения; парцеллярные конструкции; синтаксическая связь; синтаксический повтор.

Пучинина Ольга Павловна

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
olga.puchinina@gmail.com

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)**

В данной статье объектом исследования является несобственно-прямая речь (далее – НПР), рассматриваемая как особый вид чужой речи и обладающая особым лингвистическим потенциалом. Предметом исследования являются синтаксическая структура НПР и способы её реализации в художественном произведении.

Синтаксическое своеобразие НПР обнаруживается при сравнении её с другими видами репродукции речи (прямой речью и косвенной). В частности, исследователь НПР Е. А. Гончарова указывает на основную синтаксическую особенность НПР в сравнении с косвенной речью: по своей синтаксической организации косвенная речь представляет собой единое целое с авторским контекстом, НПР же выделяется из него и интонационно, и лексически, и синтаксически. НПР в отличие от косвенной речи не зависит от главного авторского предложения, состоит из одного или нескольких отдельных предложений, прерывающих авторское повествование [2, с. 31-32].

Синтаксически НПР может быть представлена вопросительными и восклицательными предложениями, эллиптическими конструкциями, синтаксическими связями, повтором, односоставными предложениями и т.д. Рассмотрим эти особенности более подробно.

В синтаксисе как косвенно-прямой (внешней, произнесённой), так и изображённой (внутренней, непроизнесённой) речи отмечают их насыщенность вопросительными и восклицательными предложениями [1, с. 203; 5, с. 90]. Эта синтаксическая особенность НПР непосредственно связана с психологической природой внутренней речи человека, внутренней диалогичностью мыслительных процессов, особенно когда человек находится в состоянии аффекта, когда он напряжённо думает, что-то переживает, ищет выход из сложных

жизненных ситуаций, принимает решения [4, с. 132-133; 6]. Вопросительные предложения в НПР, по мнению Д. Фаульзайт, – это отражение борьбы литературных героев с жизненными проблемами, проблемами самыми разнообразными: политическими, этическими, моральными, материальными и т.д. [9, S. 225-226].

«...*The questions were nothing. They asked you about apples and eggs... they never asked you a real question, so how could you give them a real answer?...*

He knew. The question was, Can you do it? Any of you? Here or in any other place of the world? Can you do it by doing something in the world or by doing anything anybody alive can do? He knew the answer too. He knew it was no. So what were they doing? What good did it do them? What good was anything in the world when you couldn't do it? When you could never be able to do it? What good did it do you to do a million other crazy things that had nothing to do with it? What was the sense in answering a million other questions and never even asking the real question?» [16, p. 174-175] / *Эти вопросы ничего не значили. Они спрашивали тебя о яблоках и яйцах..., но не задавали настоящего вопроса, и как же ты мог дать им настоящий ответ? ...Он знал. Этот вопрос был такой, Вы можете делать это? Кто-нибудь из вас? Здесь или ещё где-либо? Он тоже знал ответ. Он знал, что ответ будет отрицательным. Итак, что же они делали? Какую пользу им это принесло? Какой толк был в этом, если они не могли это делать? Да и не смогли бы никогда? Зачем делать миллион безумных вещей, не имеющих отношения к этому? Зачем отвечать на миллион других вопросов и никогда не задавать настоящего вопроса? (Здесь и далее перевод наш – О. П.).*

Главный герой рассказа У. Сарояна «Огонь» – маленький мальчик, у которого умерла мама, а у отца появилась новая жена. Они жили в бедности, и мальчик жаждал тепла. Ему нужно тепло не только от печи, от огня; он тосковал по любви окружающих, по их внутреннему теплу. Поэтому его внутренний диалог насыщен вопросами, задаваемыми мысленно себе и другим и отражающими глубокое эмоциональное переживание персонажа.

Типология вопросительных структур в НПР многообразна. Можно выделить непосредственно-вопросительные предложения (содержащие непосредственно вопрос в виде вопросительного слова или вопросительного местоимения), вопросительно-восклицательные местоимения (содержащие вопрос повышенного экспрессивного характера), делиберативные (обсуждающие, риторические, обращённые к самому себе), альтернативные (ориентирующиеся на одно из двух решений: либо – либо), утвердительные (утверждающие что-либо, но с вопросительной интонацией) [4, с. 133].

Можно привести пример несобственно-вопросительного предложения из рассказа У. Сарояна «Апельсины».

«*It was this that made it hard for him to smile: the way this woman was always talking... always picking on his uncle Jake. How did she expect him to smile or feel all right when she was always telling them they were no good, the whole family no good?»* [17, p. 94] / *Именно поэтому ему трудно было улыбаться: из-за того, как эта женщина всегда разговаривала, всегда придиралась к дяде Джеку. Как, по её мнению, они должны улыбаться, когда она говорила им, что они бесполезны, вся семья бесполезна?*

В функции вопросительного зачина преимущественно выступают вспомогательные или модальные глаголы в прошедших глагольных формах [4, с. 134]. Помимо этого, стоит отметить частое использование в вопросительных структурах НПР глагола 'suppose' и вопросительного местоимения 'why'.

«*Why can't I think of it all more simply, thought Muriel... Why shouldn't Muriel go to the father in a firm and straightforward way and say to him that she thought Elizabeth needed more company and why shouldn't she meet young Leo Peshkov for a start?... But would he approve of the idea of Leo being introduced to Elizabeth? Well, why on earth shouldn't he? It was only to Muriel herself that the plan appeared like a violent action... To a rational outsider the idea would seem quite ordinary. Though to make an outsider really understand would it not be necessary to infect him a little with her own more lurid vision of the scene? Yet could she? Would not these fires pale them then and seem quite unreal? Were not quite unreal?...»* [12, p. 132] / *Почему я не могу думать об этом проще, подумала Мюриэль. Почему бы ей не подойти к отцу и не сказать прямо, что, по её мнению, Элизабет нуждалась в обществе, и почему бы ей не познакомиться с Лео Пешковым для начала? Но одобрит ли он это? А почему ему быть против? Это только для Мюриэль самой весь план казался отчаянным. Для разумного постороннего человека он показался бы обыкновенным. Хотя, чтобы заставить постороннего действительно понять, разве не нужно передать ему её собственное, более мрачное, восприятие ситуации? Да и смогла бы она? Не поблёкнут ли эти краски и не покажутся ли ненастоящими? Не были ли они совсем ненастоящими?*

«...*Suppose he put on all his clothes except pants? His underwear, his stockings, his shoes, his shirt, and walked into the world and looked everybody straight in the eye? Suppose he did it?...*» [13, p. 102] / *Допустим, он надел все, кроме штанов – белье, носки, ботинки, рубашку, – и вышел на люди и посмотрел всем прямо в глаза. Допустим, он это сделал.*

Вопросительные структуры в комплексах НПР часто сочетаются с восклицательными, что особенно сказывается на эмотивном содержании НПР, репрезентации её субъективного плана. Наличие восклицательных структур в комплексах НПР иногда связано не только с её эмотивным содержанием, но и императивным характером персонажных рефлексий [4, с. 135]. В следующем примере из романа А. Мёрдок «Время ангелов» восклицательные предложения служат для усиления эффекта взволнованности героини, Мюриэль, её искреннего желания помочь сестре, прикованной к инвалидному креслу.

«*There was, beside this, another compulsion. Muriel had allowed herself to become fascinated by the idea of as it were loosing Leo at Elizabeth. There was excitement, of a more agreeable kind, in this too. They were both so good looking!*» [12, p. 153] / *Помимо этого был ещё один импульс. Мюриэль позволила себе прийти в восторг от мысли дать Лео волю с Элизабет. В этом также было более приятное волнение. Они оба были так привлекательны!*

В произведениях психологической прозы вопросительные и восклицательные предложения отражают полемический характер внутренних рефлексий, являются отличным средством для раскрытия сложного духовного мира героев, их внутренних противоречий, борьбы, сомнений, переживаний, поисков правильных решений, а также процесса становления личности. Вопросы и восклицания представляют собой эффективный метод психологизации мышления и скрытых внутренних эмоций.

Для синтаксического строя НПП, согласно наблюдениям Е. Я. Кузько, характерны также различного рода неполные разговорные структуры, эллиптические предложения, парцеллярные конструкции. Как правило, в НПП краткие структуры соотносятся с речью (внешней или внутренней) одного лица, его внутренним диалогом с самим собой. В прямой речи такие структуры являются компонентами фактического диалога или монолога. Однако в кратких структурах НПП в большей мере, чем в прямой речи, конденсируется эмотивное содержание передаваемой чужой речи. В прямой речи героя, если он умеет владеть собой, эмоции нередко скрыты, в том числе и в кратких структурах НПП в этом отношении более непосредственна и более эмоциональна. Графически это выражается в том, что краткие структуры заканчиваются восклицательными или вопросительными знаками. В прямой речи это наблюдается значительно реже [4, с. 136].

«Wasn't there something more he might sell? He looked about the bare room. No. His watch was gone; also his books. All those fine books; nine of them for eighty-five cents. He felt ill and ashamed for having parted with the books. His best suit he had sold for two dollars, but... he didn't mind at all about clothes. But the books. That was different. It made him very angry...» [15, р. 40] / *Что же ещё можно продать? Он оглядел пустую комнату. Ничего. Свои часы он уже продал, да и книги. Все замечательные книги; девять из них за 85 центов. Ему стало ужасно стыдно за то, что он расстался с книгами. Свой выходной костюм он продал за два доллара, но... ему совсем не было жаль одежду. Но книги. Это совсем другое. Это разозлило его...*

В этом примере из рассказа У. Сарояна «Отважный молодой человек на летающей трапеции» эллиптичность предложений в НПП (в данном отрывке 'no' (нет), 'also his books' (также его книги), 'all those...' (все те...), 'nine of them...' (девять из них), 'but the books' (но книгу)) обусловлена, прежде всего, спонтанным характером речевого (мыслительного) процесса, близостью синтаксической фактуры НПП с синтаксисом прямой речи, с устной разговорной речью, а также с действием тенденции языковой экономии. В современной художественной прозе в НПП употребляются самые разнообразные виды кратких структур: эллиптические, именные, номинативные, глагольные, безглагольные, междометные, инфинитивные и др. В комплексе НПП они нередко сочетаются, принимая порой вопросительный или восклицательный характер [4, с. 136].

Парцеллярные структуры (парцеллярные конструкции, присоединительные конструкции, обособления) свойственны устной разговорной речи. В современной художественной прозе они всё чаще проникают в НПП, особенно при смене перспектив, когда происходит «соскальзывание» авторского повествования в субъективный план. Парцеллярные конструкции имитируют линейность устного говорения, когда уже к сказанному добавляется что-то существенное или несущественное, дополнительное в форме фрагмента фразы [3, с. 232]. Это можно наблюдать, например, в следующем отрывке из рассказа У. Сарояна «Вельветовые штаны»: *My own pants. Which I had bought. / Мои собственные штаны. Которые я купил.*

«How could I feel gay and light-hearted? I didn't look gay and light-hearted. And that made everything worse, because my pants did look gay and light-hearted. My own pants. Which I had bought. They looked gay and light-hearted» [13, р. 106] / *Мог ли я быть после этого веселым и беззаботным? Нет, ни беззаботным, ни веселым я отнюдь не выглядел. И это только ухудшало дело, потому что веселыми и беззаботными выглядели мои брюки. Собственные мои штаны. Купленные на кровные мои денежки. Они-то выглядели и весело, и беззаботно* [7, с. 256].

Краткие структуры в составе НПП свидетельствуют о преобладании в НПП линейных, реляционных связей, свободной синтаксической констелляции [4, с. 137-138]. Они являются отражением повышенной эмоциональности героя, его диалога с самим собой.

Что касается сочинительной связи в НПП, то наряду с бессоюзной всё чаще употребляется союзная, нередко полисиндетическая. Особенно продуктивны и стилистически многогранны в НПП структуры с копулятивным союзом 'and'. Если в прямой речи союз 'and', по выражению Х. Бринкмана, – «мостик высказывая» [8], то в НПП он преимущественно «мостик мыслей». Структуры с 'and' как бы продвигают повествование вперёд, развивая и дополняя мысль. Среди других паратактических структур особенно продуктивны дизъюнктивные структуры с 'or'. Их психологическая основа – внутренняя речь человека, внутренние размышления с их исконным имплицитным свойством – передавать сомнения, предположения, делать заключения и выводы [4, с. 139-140].

«He picked out two of the biggest oranges... and lifted his arm over his head... It seemed sad. What's the use to hold two big oranges in your hand and lift your arm over your head and get ready to smile at people going by in automobiles?» [17, р. 97] / *Он выбрал два самых больших апельсина и поднял руку над головой. Ему стало грустно от этого. Какой смысл держать два апельсина в руке и держать руку над головой и быть готовым улыбаться людям в проезжающих автомобилях?*

Бессоюзная связь также является эффективным средством придания НПП глубокого эмоционального характера.

«It was disgusting: it wasn't funny at all, being kept after school, being asked to laugh. There was no sense in the idea. What should he laugh about?... What did she want of him? And the smell of the school, the oil in the floor, chalk dust, the smell of the idea, children gone: loneliness, the sadness» [14, р. 60] / *Это было отвратительно: совсем не смешно, что тебя заставляют оставаться в школе после уроков и заставляют смеяться. Это*

было бессмысленно. Над чем ему смеяться? Что она от него хотела? И ещё запах школы, масляной краски на полу, мела, мальчишки уже ушли: одиноко, грустно.

Одним из характерных средств синтаксической связи для НПП является повтор. В структуре синтаксического повтора в НПП заметно выделяются три вида: простой словесный (дословный) повтор, варьированный повтор и анафористический.

Простой словесный повтор (редупликация), характерный для устной разговорной речи, наблюдается в тех случаях НПП, когда в целях усиления повторяются отдельные отрезки внутренней или внешней речи литературных персонажей [4, с. 144].

«It must be mad, he [Mor] thought, smiling. It must be mad, he thought, whatever shall I do? Then he thought, I must see Miss Carter at once. When I see her, I shall know what to do... shall know then, when I see her. When I see her» [11, с. 107] / *Это должно быть сумасшествием, он подумал с улыбкой. Это должно быть сумасшествием, он подумал, что бы я ни сделал. Потом он подумал, я должен немедленно увидеть Мисс Картер. Когда я увижу её, я буду знать, что делать, пойму потом, когда увижу её. Когда увижу её.*

Простой словесный повтор в этом, и в подобных комплексах НПП является выражением субъектного плана. Иногда редупликация связана с переспросом, являющимся отражением в НПП прямой речи персонажей, устного разговорного языка.

Особенно продуктивным видом повтора в НПП является варьированный повтор, когда к общему дословно повторяемому элементу речи (мысли) присоединяется варьированный элемент. Такой вид повтора, как правило, обладает значительным эмотивным содержанием, является средством выделения, акцентирования определённых мысленных речевых компонентов [4, с. 144].

«Escape! She must escape!» [10, с. 38] (*Бежать! Она должна бежать!*).

«Why not awaken her with a shock, with this shock?» [12, р. 100] (*Почему бы не пробудить её с помощью шока, такого шока?*).

Большой стилистической и ритмико-интонационной многогранностью отличаются анафористические виды повтора в НПП.

«...he was laughing and looking at Miss Wissing, and then bang... tears in her eyes. For God's sake, he hadn't been laughing at her. He had been laughing at all those fools, all those fool things they were doing day after day, all that falseness» [14, р. 64] / *Он смеялся и смотрел на Мисс Уиссинг и вдруг заметил слёзы в её глазах. Боже правый, он смеялся не над ней. Он смеялся над всеми этими дураками, над всеми их дурацкими выходками день за днём, над всей этой фальшью.*

«This much of the idea developed in my... mind... Suppose a man appeared in the world without pants? Not that he wanted to. Not just for the fun of it. Not as a gesture of individuality and a criticism of Western civilization, but simply because he had no pants, simply because he had no money with which to buy pants. Suppose he put on all his clothes except pants?... Suppose he did it?... So what? I have no pants, I have no money. I am an inhabitant of this world until I die or until the world end. I intend to go on moving about in the world, even though I have no pants» [13, р. 102-103] / *Я развивал эту мысль... Допустим, человек появился в обществе без штанов. Не потому, что он этого хотел. И не для того, чтобы позабавиться. Не с тем, чтобы показаться оригинальным, и не ради выпада против западной цивилизации, а просто потому, что у него нет штанов, просто потому, что купить их ему не на что. Допустим, он надел все, кроме штанов... Допустим, он это сделал. ...Так что из этого? Штанов у меня нет, денег тоже, но я обитатель этого мира. И я намерен оставаться им до тех пор, пока не умру или не настанет конец света. Я намерен и впредь передвигаться по миру, хотя бы и без штанов* [7, с. 254].

Синтаксический повтор – существенный конститутивный признак НПП, ибо все виды повтора в разной степени являются средством усиления, выделения определённых моментов речевого или мыслительного процесса, обладают эмотивным содержанием, соотнося фактор повтора с субъектной транспозицией.

Синтаксический строй НПП в современной литературе претерпевает существенные изменения. Усиливается тенденция к синтаксической сегментации речевого потока, парцелляции его элементов, к трансформации гипотетических структур, наблюдается тенденция к обрыву фраз, нарушению их логических и семантических связей, что обусловлено вниманием писателя к первичным стадиям мыслительного процесса. Приспосабливаясь к этим задачам, задачам углублённого психологического изображения, синтаксическая система НПП становится более сложной, рациональной.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта; Наука, 2009. 384 с.
2. Гончарова Е. А. Несобственно-прямая речь в современной немецкой художественной прозе: дисс. ... к. филол. н. Л., 1968. 261 с.
3. Иванчикова Е. А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения // Языковые процессы современной художественной литературы. М., 1977. С. 198-240.
4. Кусько Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов: Вища школа, 1980. 208 с.
5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. институтов. Л.: Просвещение, 1978. 328 с.
6. Пучинина О. П. Психологическая природа несобственно-прямой речи (на примере англо-американской прозы XX века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11. Ч. 1. С. 165-169.
7. Сароян В. Приключения Весли Джексона. Рассказы / пер. с англ. Л. В. Шифферса. М.: Художественная литература, 1979. 382 с.
8. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Dusseldorf, 1971. 251 S.

9. **Faulseit D.** Die literarische Erzähltechnik. Halle, 1963. 287 S.
10. **Joyce J.** A Painful Case // Антрушина Г. Б. Another Book for Reading and Discussion: пособие для чтения на английском языке. М.: Международные отношения, 1979. С. 31-43.
11. **Murdoch I.** The Sandcastle. Л.: Просвещение, 1975. 214 с.
12. **Murdoch I.** The Time of the Angels. Frogmore, St Albans: Triad/Panther Books, 1978. 236 p.
13. **Saroyan W.** Corduroy Pants // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 100-106.
14. **Saroyan W.** Laughter // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 59-67.
15. **Saroyan W.** The Daring Young Man on the Flying Trapeze // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 33-41.
16. **Saroyan W.** The Fire // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 170-175.
17. **Saroyan W.** The Oranges // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. 464 p. P. 93-99.

**THE SYNTACTIC STRUCTURE OF FREE INDIRECT SPEECH
(BY THE EXAMPLE OF THE ANGLO-AMERICAN PROSE OF THE XX CENTURY)**

Puchinina Ol'ga Pavlovna

*Yelabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
olga.puchinina@gmail.com*

In the article the syntactic structure of the free indirect speech is considered. The author shows that the syntactically the free indirect speech can be represented by interrogative and exclamatory sentences, elliptical, parcelled constructions, syntactic links, repetition, mononuclear sentences and so on. It is proved that the syntactic construction of the free indirect speech helps the writer to reveal the complex spiritual world of the characters, their inner experiences, and to show the search for the proper solutions.

Key words and phrases: free indirect speech; psychological prose; interrogative sentences; exclamatory sentences; elliptical sentences; parcelled constructions; syntactic link; syntactic repetition.

УДК 8; 82.0

В настоящей работе рассматривается, как рассказ Ю. Анненкова «Домик на 5-ой Рождественской» (опубликованный им в 1928 г. под псевдонимом Борис Темиряев) соотносится на текстуальном уровне с мемуарной работой художника «Дневник моих встреч» 1966 г. Основное внимание уделено анализу повторяющихся в обоих текстах фрагментов с незначительными стилистическими расхождениями. В работе также было определено, насколько значимым для самого писателя было введение автобиографического компонента в свой рассказ.

Ключевые слова и фразы: Ю. П. Анненков; «Дневник моих встреч»; Б. Темиряев; «Домик на 5-ой Рождественской»; комментарий; претекст; повтор фрагментов.

Радченко Мария Михайловна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
marmihradchenko@gmail.com*

**«ДОМИК НА 5-ОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ» Ю. АННЕНКОВА
КАК ОДИН ИЗ ПРЕТЕКСТОВ «ДНЕВНИКА МОИХ ВСТРЕЧ»**

Ю. П. Анненков, русский художник-график, декоратор и писатель, еще до своего отъезда в 1924 г. за границу печатал свои статьи об искусстве. Обосновавшись в Париже и занимаясь графикой и оформлением театральных постановок, художник продолжил создавать и публиковать не только свои теоретические работы, но и художественные произведения.

Первый рассказ художника «Любовь Сеньки Пупсика» [11] занял первое место в четвертом литературном конкурсе журнала «Звено». Конкурс проходил таким образом, чтобы все произведения конкурсантов были представлены анонимно – так организаторы стремились к большей объективности оценок и голосов, получаемых от читателей. Это произведение, как и многие последующие («Домик на 5-ой Рождественской» [10], «Сны» [14], «Повесть о пустяках» [12], «Тяжести» [15; 16; 17], «Рваная эпопея» [13]), художник публиковал под псевдонимом Борис Темиряев, довольно эффектно заявив о себе благодаря победе в конкурсе: «По вскрытию конверта с означенным девизом, оказалось, что автором рассказа “Любовь Сеньки Пупсика” является г. Борис Темиряев (Париж), которому и будет выдана редакцией премия в 1000 фр.» [7].

Читая рассказы Ю. П. Анненкова, написанные им в эмиграции, и его самую значимую литературно-художественную работу «Дневник моих встреч», нельзя не заметить повторы, совпадения, «переклички» между текстами, изданными с разницей более чем в 30 лет. При сопоставлении ранних рассказов художника и его книги мемуаров возникает ощущение «дежавю», вызванное довольно частыми совпадениями фрагментов на текстуальном уровне.